

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

*(НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ
В 1990–2020-х ГОДАХ)*

НИКИТА ЛИПУНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности на примере Финляндии. Логика и движущие силы финской внешней и оборонной политики на протяжении более трёх десятилетий после окончания «холодной войны» оставались неизменными. В их основе лежит концепция республиканского реализма, в рамках которой Финляндия стремится не допустить доминирования какой-либо державы в системе безопасности в Скандинавско-Балтийском регионе и в Европе в целом. Наблюдаемые метаморфозы — от нейтралитета до членства в военном альянсе — представляют собой процесс адаптации к меняющейся ситуации в области глобальной и региональной безопасности и отражают восприятие угроз руководством страны. Эволюцию политики Финляндии определяло соотношение между двумя стратегическими субкультурами — «отношения с Россией» и «интеграция в сообщество западных государств». Можно условно выделить этапы «европеизации» (1990-е — конец 2010-х годов) и «евроатлантизации» (конец 2010-х — 2020-е годы). В евроатлантический период между двумя стратегическими субкультурами прослеживается корреляция: чем больше Финляндия воспринимала политику России как потенциальную угрозу, тем больше она тяготела к крупным западным державам и их институтам. Переход от европеизации к евроатлантизации был вызван разочарованием Финляндии в способности ЕС выступать гарантом её безопасности на фоне общей деградации системы европейской безопасности. На протяжении всего рассматриваемого периода страна делала упор на мощную систему национальной обороны. Случай Финляндии показывает определяющее значение стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности, несмотря на их ограниченные ресурсы и пространство для манёвра. Концепт стратегической культуры представляет собой продуктивную

Исследование проведено при финансовой поддержке РФН в рамках проекта №20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере Скандинавско-Балтийского региона)». Автор благодарит двух анонимных рецензентов и редакторов журнала за ценные замечания, которые позволили повысить качество работы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.01.2025

Дата принятия к публикации: 13.05.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: n.lipunov@inno.mgimo.ru

эпистемологическую альтернативу неореалистскому подходу при анализе поведенческих моделей малых государств за счет раскрытия институционально-идентитарных оснований их примыкания к крупным государствам и альянсам с целью обеспечения собственной безопасности.

Ключевые слова:

малые государства; стратегическая культура; политика в области безопасности; оборонная политика; внешняя политика; Финляндия; нейтралитет; военное неприсоединение; ЕС; НАТО; США; Россия

Мы, финны, упрямы, и, если нас заставляют что-то делать, мы становимся ещё упрямее.

*Из интервью президента Финляндии С.
Ниинистё Радио Швеции,
20 августа 2023 г.*

Финская внешняя политика и политика в области безопасности основаны на ценностном реализме.

*Из инаугурационной речи президента Финляндии
А. Стубба,
1 марта 2024 г.*

Введение

В условиях обострения междержавной конкуренции и роста военно-политической напряжённости в XXI веке для многих государств, особенно малых, актуализируются вопросы обеспечения национальной безопасности. Поскольку стратегический выбор малых держав нередко влияет на динамику отношений между более крупными игроками, а в некоторых случаях — как в Скандинавско-Балтийском регионе — определяет всю региональную архитектуру безопасности, их внешнеполитический курс и логика обеспечения безопасности становятся важным предметом изучения специалистов-международников.

В конце XX — первой четверти XXI века политика малых «нейтральных»¹ держав Европы в сфере безопасности очевидно трансформируется в сторону более тесного оборонного сотрудничества под эгидой ЕС и НАТО. Особый интерес в рамках данной темы представляет Финляндия. За три десятилетия после окончания «холодной войны» она прошла путь от нейтралитета

до полноценного членства в военном блоке, что, на первый взгляд, можно расценить как кардинальные, нежели эволюционные перемены. Руководство страны вплоть до весны 2022 г. уклонялось от вступления в НАТО, хотя гипотетически оставляло за собой такую возможность, о чем неоднократно заявляло публично. Можно ли рассматривать трансформацию политики Хельсинки в области безопасности как закономерную и эволюционную? И какую роль в этом процессе сыграла финская стратегическая культура?

Цель настоящего исследования — оценить степень влияния стратегической культуры на формирование политики малых государств в области безопасности на примере Финляндии в 1990–2020-х годах. Наша гипотеза заключается в том, что феномен стратегической культуры присущ не только великим, но и некоторым малым державам, и позволяет выявить глубинную мотивацию их внешнеполитического поведения. Применительно к Финляндии это означает, что логика и движущие силы политики

¹ Речь идет о таких государствах, как Швейцария, Австрия, Ирландия, Швеция и Финляндия. Кавычки используются, поскольку нейтральный статус этих государств имеет (в случае Швеции и Финляндии — имел) различное оформление де-юре и политическую интерпретацию — де-факто.

Хельсинки в области безопасности на протяжении всего рассматриваемого периода оставались неизменными, а видимые метаморфозы внешней и оборонной политики представляются лишь манифестацией стратегической культуры в условиях динамично меняющейся международной среды.

В качестве теоретико-методологической рамки исследования мы будем использовать концепции республиканского реализма как стратегической культуры Финляндии, а также стратегических субкультур. В ходе исследования мы сначала рассмотрим теоретико-методологические подходы к изучению политики малых государств в области безопасности и их стратегической культуры. После этого уделим особое внимание специфике анализа стратегической культуры Финляндии. Затем рассмотрим основные тенденции в финской внешнеполитической и оборонной доктрине и практике в 1990–2020-х годах, чтобы выделить определявшие их субкультуры. На завершающем этапе соотнесем эти процессы с положениями республиканского реализма, чтобы определить, несут ли изменения в политике Хельсинки в области безопасности революционный или эволюционный характер.

Эмпирическим материалом исследования будут выступать официальный дискурс — стратегические и доктринальные документы Финляндии в области внешней и оборонной политики и политики в области безопасности, а также выступления и заявления ведущих финских политиков, в том числе президентов и премьер-министров — и практика — конкретные меры Хельсинки в сфере внешней и оборонной политики — в 1990–2020-х годах.

Стратегическая культура малой державы: теоретико-методологические аспекты

До сих пор нет консенсуса относительно критериев выделения малой державы [Willis 2021: 19], что отчасти связано с априори реляционным характером этого концепта², предопределяющим его семантическое многообразие [Wood 1967: 29]. В отличие от подходов, основанных на одном или нескольких материальных критериях определения малого государства, в целях настоящего исследования мы будем придерживаться «психологического» подхода. Решающее значение в нём имеет самопозиционирование государства в лице его руководства в международных отношениях [Keohane 1969: 295–296] и признание ограниченности своих возможностей для самостоятельного обеспечения собственной безопасности [Rothstein 1968: 23–29]³.

С конца 1950-х и вплоть до середины 1990-х годов под влиянием реализма малые державы воспринимались в международно-политических исследованиях скорее как объекты, нежели субъекты международных отношений. Вместе с тем с конца 1990-х годов в академическом дискурсе наметился сдвиг: всё больше исследователей стали отмечать эпистемологическую ограниченность подхода к политике малых государств, при котором они лишаются субъектности и выступают пассивными «объектами» действий великих держав, и начали уделять внимание их агентности, рассматривая специфику их влияния на мировую политику [Willis 2021: 27–28]. Например, по мнению британского исследователя Тома Лонга, невозможно измерить силу малых держав исключительно в категориях ресурсной базы и потенциала

² То есть его использовании при сравнении «размера» и «мощи» держав. Например, Новую Зеландию можно назвать малой державой относительно Китая, при этом в случае с островными государствами Тихого океана асимметрия уже в пользу Веллингтона.

³ При таком рассмотрении Финляндию можно с уверенностью отнести к малым державам, поскольку таковой её позиционирует высшее политическое руководство. См. президент Финляндии С. Ниинистё: «Я считаю самоценностью тот факт, что, когда мы запускаем [процесс вступления в НАТО — прим. автора], мы делаем это после тщательного рассмотрения, избегая любых конфликтов. Будучи малой страной, мы действительно не можем себе их позволить». Speech by President of the Republic of Finland Sauli Niinistö in Parliament // President of Finland. 01.03.2024. URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/speech-by-president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinisto-in-parliament-on-1-march-2024/index.html> (accessed: May 5, 2025).

принуждения, поэтому применительно к ним он предложил выделять производную, коллективную и эндогенную силу [Long 2017: 10]. На основе схожей типологии мощи малых держав российский политолог Н.Ю. Кавешников выделил три доступные им стратегии обеспечения национальной безопасности в условиях ограниченности ресурсов: 1) балансирование; 2) получение гарантий безопасности со стороны великой державы; 3) создание издержек, которые делали бы невыгодным получение и поддержание контроля над их территорией [Кавешников 2008: 88].

Многочисленные попытки дать исчерпывающее определение понятия «стратегическая культура» с момента зарождения концепта в конце 1970-х годов не привели к формированию консенсуса по этому вопросу в академическом сообществе. С 1990-х годов оно рассматривается представителями «третьего поколения» исследователей⁴ преимущественно в русле социального конструктивизма.

Вместе с тем феномен стратегической культуры относительно редко анализируется применительно к политике малых государств в области безопасности⁵. Отчасти это обстоятельство связано с «реалистской инерцией» подобных исследований, в рамках которой образ действия малой державы в условиях ограниченного пространства для манёвра воспринимается как сугубо реактивный. Тем не менее некоторые учёные допускают теоретическую

возможность использования близкого по содержанию понятия «большая стратегия» при изучении внешней политики малых государств [Kennedy 1991: 186n18]. Отвечая на неореалистскую критику, исследователи стратегической культуры отмечают в качестве её эпистемологического достоинства высокую объяснительную способность при анализе различного поведения схожих по типу и положению государств, особенно малых [Howlett, Glenn 2005: 135; Bloomfield, Nossal 2007]. Отдельные эксперты даже признают возможность синергии неоклассического реализма и отдельных течений в области стратегических исследований, особенно тех, которые рассматривают стратегическую культуру как эпифеноменальный концепт⁶ или с позиций классического конструктивизма [Glenn 2009: 530–531].

В то же время сущностная неопределённость и, как следствие, семантическая вариативность затрудняют операционализацию этого концепта в эмпирических исследованиях. Не углубляясь в эволюцию подходов к его изучению и их критику, что существенно выходит за рамки рассмотрения темы⁷, в настоящем исследовании мы будем опираться на интерпретивистскую трактовку стратегической культуры, объединяющую материальные и идеационные основания поведения государства как взаимно конституирующие сущности⁸: *«социально передаваемые идеи, взгляды и традиции, устоявшиеся типы мышления и пред-*

⁴ Речь идет о конструктивистском повороте в исследованиях стратегической культуры, при котором признаётся влияние норм, идей, культуры и идентичности на внешнеполитическое поведение государства и международные отношения в целом. Подробнее см. [Алексеева 2012: 134–135].

⁵ Любопытно, что объектами таких исследований чаще всего становятся малые государства Европы. См., например: [Rolf 2021; Beneš, Karásek 2021; Воротников 2021; Лошкарев, Кучук 2022; Белухин, Воротников, Дианина 2022; Чеков 2023; Белухин, Воротников, Дианина 2023]. И гораздо реже — других регионов мира. См., например, [De Castro 2014].

⁶ Эпифеноменальным здесь считается рассмотрение культурных аспектов только в узком контексте стратегии. Подробнее см. [Glenn 2009: 531].

⁷ Подробнее см. [Neumann, Heikka 2005; Bloomfield, Nossal 2007; Bloomfield 2012; Алексеева 2012].

⁸ Такой подход отражает современные научные представления о понятии культуры, которая включает в себя не только идеационные компоненты, но и социальные практики, которые находятся в диалектической взаимосвязи. Подобная трактовка противопоставляется позитивистской, при которой культура и поведение рассматриваются как независимая и зависимая переменные соответственно. Подробнее о разнице между этими подходами применительно к стратегической культуре см. [Neumann, Heikka 2005].

почтительные способы действия, характерные для сообщества безопасности с определённой географической привязкой и уникальным историческим опытом» [Gray 1999: 51–52, 56]. Такое прочтение перекликается с семиотическим подходом к стратегической культуре [Fomin 2023]. Для того чтобы операционализировать концепт в аналитических целях, он предложил рассматривать стратегическую культуру как логономическую систему⁹, которая задает рамки стратегического взаимодействия [в конкретном сообществе безопасности – *прим. автора*]. Семиотический подход «примиряет» дискуссии о соотношении «материального» и «идеационного» с поведением внутри (стратегической) культуры, поскольку исходит из того, что артефакты [«материальное» – *прим. автора*] и паттерны поведения транслируют определенные идеи. Это означает, что стратегическую культуру государства составляют наиболее общие представления об оптимальных путях и способах обеспечения национальной безопасности, транслируемые через документы стратегического и доктринального характера, риторику первых лиц и внешнеполитическую практику. При таком рассмотрении этот концепт способен раскрыть глубинную мотивацию внешнеполитического поведения любой «социализированной» державы, в том числе малой¹⁰.

Для более «объемного» понимания стратегической культуры обратимся к работам австралийского исследователя Алана Блумфилда. Проанализировав основные подходы к определению стратегической культуры, он выявил у них два главных

недостатка. *Во-первых*, они предполагают строгую внутреннюю согласованность, которая не допускает ситуативных отклонений или противоречий во внешнеполитическом поведении государства. *Во-вторых*, они чрезмерно фокусируются на вопросе преемственности, что не позволяет адекватно оценить изменения политического курса на продолжительном отрезке времени [Bloomfield 2012: 439–441]. Блумфилд, концептуализирующий данный феномен как *набор представлений государства о «друзьях и врагах»*, предложил выделять внутри него конкурирующие субкультуры – традиции внешнеполитической мысли, которые «конкурируют» за лучшую интерпретацию международного контекста внешней политики государства [Bloomfield 2012: 451–453]. Субкультуры формируются под влиянием географических и культурных особенностей государства и его исторического опыта. В ходе исследования мы будем учитывать эту гетерогенность и динамичность стратегической культуры¹¹.

Финская стратегическая культура

Внешняя политика Финляндии в годы «холодной войны» была направлена на поддержание добрососедских отношений с СССР при сохранении тесных связей с западными странами. Внешнеполитический курс во многом определялся положениями Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом от 1948 года (далее – ДДСВП), по которому, среди прочего, оба государства обязывались «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных

⁹ То есть систему правил (вос)производства смыслов в социуме.

¹⁰ В данном случае под «социализацией» мы понимаем опыт международного взаимодействия в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе применения силы. Полагаем, что в отсутствие такого опыта говорить о формировании стратегической культуры государства преждевременно.

¹¹ Набор стратегических субкультур можно уподобить стратегическому «меню» государства. В конкретных международно-политических обстоятельствах лица, принимающие решения, лишь выбирают порции блюд из этого меню и какое из них будет основным. Таким образом, устойчивость стратегической культуры есть неизменность этого набора субкультур, а изменение соотношений между ними – её эволюция. Радикальное изменение стратегической культуры в таком случае суть появление новых субкультур либо исчезновение старых. На наш взгляд, это возможно лишь в случае существенного изменения статуса государства (например, перехода от малой державы к средней путем увеличения территории, мощи и т.д.).

ных против другой стороны»¹². Фактически речь шла о запрете Финляндии вступать в НАТО. Поскольку ДДСВП не содержал двусторонних положений о коллективной обороне, а лишь обязывал финскую сторону «сражаться для отражения агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства» против неё или СССР через её территорию¹³, финское руководство стало публично декларировать военный нейтралитет¹⁴. В самой Финляндии такой внешнеполитический курс получил название «линия Паасикиви-Кекконена»¹⁵, а на Западе для обозначения модели асимметричных отношений малых государств с великодержавными соседями был введён термин «финляндизация»¹⁶.

После «холодной войны» российские и зарубежные исследователи финской внешней и оборонной политики фокусировались либо на национальных дискурсах в области безопасности и исследовании внешнеполитических взглядов финских политиков [Худолей, Ланко 2019; Ланко 2021; Данилов 2022; Плевако 2022; Forsberg 2023], либо на анализе практических аспектов оборонного взаимодействия с западными странами и институтами, включая участие страны в общей политике ЕС в области безопасности [Haukkala, Ojanen 2011;

Palosaari 2013a; Palosaari 2013b; Воронов 2018; Murphy 2021]. После вступления в НАТО в 2023 г. российские аналитики отмечают закономерный отказ Финляндии от внеблоковой политики и в качестве решающей предпосылки обозначают тесное сотрудничество с западными странами и Альянсом в целом на протяжении всего периода после окончания «холодной войны» [Корунова 2024; Межевич, Ногаев 2024; Федоров 2024]. Тем не менее ни подобная аргументация, ни логика неореализма¹⁷ в полной мере не объясняют, почему Хельсинки в отсутствие прямой военной угрозы отказался от политики нейтралитета именно в 2022 году¹⁸. Кроме того, несмотря на обилие академических и экспертных публикаций, лишь немногие исследователи уделяют внимание финской стратегической культуре и её роли в формировании внешней и оборонной политики страны в эти годы.

Наиболее фундаментальным исследованием этого феномена применительно к Финляндии остаётся работа финского политолога Хенриikki Хейкка [Heikka 2005]. В ней он подробно анализирует историю финской внешнеполитической мысли¹⁹ и характеризует стратегическую культуру Финляндии как «республиканский реализм»²⁰.

¹² Ст. 4 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901033> (дата обращения: 05.05.2025).

¹³ Ст. 1 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901033> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁴ Например, в ноябре 1961 г. У. Кекконен заявил, что финский нейтралитет был сутью его работы и он будет защищать его до последнего дыхания [Agius 2006: 97].

¹⁵ В честь двух послевоенных президентов Финляндии Ю.К. Паасикиви (1946–1956) и У. Кекконена (1956–1982), при которых сформировался и реализовывался этот внешнеполитический курс. О современной внутривнутриполитической дискуссии вокруг «линии» см. [Ланко 2021].

¹⁶ Этот термин предложил министр обороны ФРГ при К. Аденаузере Ф. Й. Штраус для описания внешнеполитической линии Финляндии после Второй мировой войны [Tillotson 1996: 247]. Впоследствии он приобрел на Западе негативную коннотацию.

¹⁷ Переход от балансирования с элементами примыкания к примыканию.

¹⁸ А не ранее — например, после начала кризиса европейской безопасности в 2014 году.

¹⁹ По мнению многих исследователей внешней политики Финляндии, «в финской стратегической культуре мало “культурного”», что подразумевает сложность финского случая для анализа с позиций теории стратегической культуры [Heikka 2005: 92].

²⁰ Под стратегической культурой Хейкка понимает «динамическое взаимодействие большой стратегии как общего дискурса в сфере внешней политики и политики в области безопасности и практиками формулирования доктрин, военно-гражданских отношений и военного обеспечения». Подробнее см. [Neumann, Heikka 2005].

Отмечая, что большинство исследователей воспринимают финскую внешнеполитическую стратегию как прагматичный *realpolitik*, продиктованный географическим положением страны, Хейкка обращает внимание на поверхностность такого подхода с позиции исторического опыта финнов, республиканской теории и «английской школы» международных отношений.

В стратегическом мышлении финны унаследовали западноевропейскую республиканскую традицию, которая восходит к идее содружества католических государств Европы (лат. *Respublica Christiana*). В частности, она предполагает поддержание состояния недоминирования какой-либо державы внутри региональной системы безопасности. В ходе финской истории XVIII–XX веков эта традиция приобрела черты реализма в вопросах внешнеполитического балансирования. Весь XX век после обретения независимости финны маневрировали между Россией и Западом, как правило, тяготея к великим западным державам в противовес восточному соседу²¹. Этому во многом способствовала и культурно-ценностная близость финнов к западным обществам, ведь исторически Финляндия располагалась на окраине римско-католического ареала, а по её восточной границе проходила условная граница между Западом и Востоком [в его европейском понимании — *прим. автора*; Heikka 2005: 97]. Таким образом, республикан-

ский реализм проявляется в стремлении не допустить доминирования какой-либо державы — в первую очередь России — в Скандинавско-Балтийском регионе и в Европе в целом.

Финский нейтралитет в годы «холодной войны» — вынужденная мера, вопрос прагматизма для сохранения относительной самостоятельности и свободы манёвра [Heikka 2005: 105–108]²². Неосознанным проявлением республиканской стратегической культуры, а именно стремлением обеспечить недоминирование какой-либо державы в Скандинавско-Балтийском регионе, можно считать тайное военное сотрудничество Финляндии и США, которое началось ещё в 1962 г. и, по имеющимся сведениям, велось финским военным командованием втайне и без прямого одобрения президента Урхо Кекконена [Heikka 2005: 107]²³.

Используя концепцию республиканского реализма, Х. Хейкка пришел к выводу, что перемены во внешней и оборонной политике Финляндии на рубеже 1990–2000-х годов, связанные с европеизацией внешней политики при сохранении упора на сильную и самостоятельную территориальную оборону, отражают не смену финской стратегической культуры, а её преемственность. Интерпретация стратегической культуры Финляндии как республиканского реализма наиболее глубоко отражает исторический опыт страны и обладает наибольшим эвристическим

²¹ Хейкка также приводит и более ранние примеры военного сотрудничества с западными державами, но в то время Финляндия ещё не была суверенным государством, поэтому он скорее говорит о ней как о политике высокого уровня, например, административно-территориальной единице.

²² Поддержание добрососедских отношений с СССР — а впоследствии и Россией — было продиктовано не только геостратегическими соображениями, но и практической целесообразностью, поскольку экономическое и приграничное сотрудничество было выгодно самой Финляндии особенно для развития экономики относительно бедных приграничных областей страны. При этом геостратегические мотивы как часть стратегической культуры всё же играли определяющую роль, поэтому после 2022 г. соображения национальной безопасности взяли верх над экономическими интересами.

²³ Примечательно, что само понятие нейтралитета в то время зачастую имело негативную окраску и вызывало у финнов «глубокие и смешанные эмоции» [Васина 2022: 154]. Кроме того, впоследствии стало ясно, что Финляндия никогда не считала себя союзником СССР: в 1995 г. премьер-министр П. Липпонен обосновывал неактуальность вопроса о членстве страны в НАТО тем фактом, что она «не восточноевропейская», отграничив таким образом Суоми от бывших советских союзников [Forsberg 2023: 43].

потенциалом при исследовании политики в области безопасности.

Финский политолог Ханна Смит в качестве теоретической основы использует концепцию стратегических субкультур А. Блумфилда. В случае Финляндии их три: самооборона, западничество, доверие и диалог с Россией [Smith 2018]. Исследуя европейскую интеграцию страны в 1990–2010-х годах, она приходит к выводу, что членство в ЕС изменило не только иерархию субкультур в пользу западничества, но и их содержательное наполнение. Развивая идеи Блумфилда о решающей роли исторического опыта в определении друзей и врагов государства [Bloomfield 2012: 452], Смит отмечает, что история российско-финской границы сформировала у финнов восприятие России в качестве источника угроз, что исторически влияло на содержание и иерархию субкультур [Smith 2018: 91]. Членство в ЕС, по её мнению, также повлияло на характер и вес аргументации относительно вступления в НАТО [Smith 2018: 88].

Вместе с тем работы Х. Хейкка и Х. Смит не отражают ключевые перемены последних лет, прежде всего вступление страны в НАТО в 2023 году. Эти события заставляют нас вернуться к концепции республиканского реализма и оценить её релевантность с целью установить, как изменения во внешней политике и в политике области

безопасности Финляндии в 2020-х годах соотносятся с её стратегической культурой.

Эволюция политики Финляндии в области безопасности в 1990–2020-х годах

Определяющим для политики Финляндии в области безопасности после «холодной войны» было соотношение двух внешнеполитических векторов («стратегических субкультур»): 1) отношения с Россией и восприятие её внешней политики; 2) обусловленные культурно-ценностной близостью отношения с западными государствами²⁴. Такой тезис подтверждается результатами исследования Х. Смит [Smith 2018] и косвенно – Т. Форсберга [Forsberg 2023]²⁵. При этом значение и положение третьей субкультуры – самообороны – на протяжении всего исследуемого периода оставалось константой. Стоит оговориться, что существуют и другие мнения относительно детерминант финской политики в области безопасности после «холодной войны: например, позиция правящей партии, общественное мнение²⁶ или влияние Швеции²⁷ [Зеленева, Бурухина 2018]. Тем не менее они, как правило, выделяются вне контекста стратегической культуры, поэтому непосредственно соотносить их друг с другом представляется затруднительной задачей.

Анализ внешнеполитической и оборонной доктрины и практики Финляндии

²⁴ В данном случае характеристика «культурно-ценностный» включает в себя и политические аспекты.

²⁵ Проанализировав внутриполитические дискуссии в Финляндии о вступлении в НАТО в 1990–2020-е годы, он выявил, что на протяжении всего этого периода аргументация противников и сторонников членства в блоке оставалась практически неизменной – в 2022 г. лишь изменилось восприятие среды, и доводы в пользу вступления стали более убедительными.

²⁶ Исследование Т. Форсберга показало, что за десятилетия после «холодной войны» в Финляндии сложился замкнутый круг между позициями ведущих партий и общественным мнением по вопросу членства в НАТО. Большая часть населения стабильно выступала против вступления, и политикам приходилось считаться с этим, что приводило к синхронизации их позиций.

²⁷ Шведское неприсоединение – и общественное мнение – действительно влияло и на позицию Финляндии: финские политики неоднократно подчёркивали, что в случае вступления Швеции в НАТО Суоми также необходимо подать заявку. Важную роль здесь играли и сугубо военно-стратегические соображения, ведь без Швеции в НАТО Финляндия фактически оставалась бы эксклавом Альянса на Балтике, что существенно бы снижало стратегическую выгоду от её вступления. Тем не менее весной 2022 г. именно финны выступили с инициативой вступления в НАТО, а шведы присоединились к ним – подробнее рассмотрим этот эпизод далее. Подробнее о шведско-финской связке см. [Корунова 2024].

в 1990–2020-х годах позволил выявить две магистральные тенденции в политике страны в области безопасности: этапы «европеизации» и «евроатлантизации». Первый подразумевает ориентацию в политике в области безопасности преимущественно на Европейский союз и соседей по Скандинавско-Балтийскому региону, второй — на США и НАТО. Обе тенденции присутствуют на протяжении практически всего рассматриваемого отрезка времени, но

проявляются с разной степенью интенсивности. Тем самым можно условно выделить два периода эволюции финской политики в области безопасности после «холодной войны» на основе преобладающей тенденции. Далее мы подробно рассмотрим, как в каждый из периодов менялось соотношение двух основных стратегических субкультур, и сопоставим их с концепцией республиканского реализма. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1
Стратегические субкультуры, влиявшие на эволюцию политики Финляндии в области безопасности после «холодной войны»

	«Европеизация»		«Евроатлантизация»	
	1990-е годы	2000-е годы	2010-е годы	2020-е годы
Отношения с Россией и восприятие её политики	1992 г. — Договор об основах отношений. 1997 г. — «Северное измерение» ЕС как попытка интеграции России в общеевропейское пространство. 1990-е годы — начало многостороннего сотрудничества по арктическим вопросам («процесс Рованиemi»)	2008 г. — «Пятидневная война» не оказала существенного влияния на двусторонние отношения	2014 г. — восприятие России финским руководством начинает ухудшаться после начала украинского кризиса, Финляндия начинает постепенно сокращать контакты и участвует в антироссийских санкциях ЕС, но диалог на высшем уровне, экономическое, культурное и приграничное сотрудничество сохраняются	2022 г. — после начала СВО в Финляндии происходит секьюритизация России, страна идёт на почти полный разрыв двусторонних связей во всех сферах, а значительная часть населения воспринимает Россию как угрозу безопасности. 2023 г. — Финляндия закрывает всю восточную границу из-за миграционного кризиса, обвиняя в нём Россию
Интеграция в сообщество западных государств	1994 г. — начало официального сотрудничества с НАТО («Партнёрство ради мира»); 1995 г. — вступление в ЕС; 1999 г. — участие в KFOR NATO	2002 г. — участие в ISAF, учениях NATO <i>Strong Resolve</i> . 2006 г. — первое участие в учениях NATO <i>Cold Response</i> . 2008 г. — начало участия в Силах быстрого реагирования НАТО. 2009 г. — Общая политика в области безопасности и обороны ЕС, Северо-европейское оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО)	2014 г. — партнёр НАТО с расширенными возможностями, меморандум о поддержке принимающей стороны. 2015 г. — С. Ниинистё: «Финляндия была и останется западной страной». 2016 г. — первое участие в учениях NATO <i>Trident Juncture</i> . 2018 г. — трёхстороннее соглашение с США и Швецией, участие в PESCO EC	2022 г. — заявка на вступление в НАТО (совместно со Швецией). 2023 г. — вступление в НАТО, подписание соглашения об оборонном сотрудничестве с США. 2024 г. — решение о размещении в Юго-Восточной Финляндии командного центра сухопутных сил НАТО в Северной Европе

Источник: составлено автором.

*«Европеизация» финской политики
в области безопасности:
1990-е – середина 2010-х годов*

Несмотря на продление действия ДДСВП на двадцать лет в 1983 году²⁸, после распада СССР возникла необходимость в новом базовом двустороннем соглашении. В 1992 г. Финляндия и Россия заключили договор, который уже не предусматривал даже квазисоюзнических военных обязательств, как ДДСВП, а лишь обязал государства «не использовать или разрешать использовать свою территорию для вооруженной агрессии против другой стороны»²⁹. Это обстоятельство позволило финнам говорить о завершении формального нейтралитета, традиционно понимаемого как отказ от вступления в НАТО.

В 1990-х годах градус военно-политической напряженности в Европе существенно снизился, и в Финляндии стали всё меньше ощущать «угрозу с Востока», что позволило ей активизировать сотрудничество с западными странами. В этот период Хельсинки стремился глубже интегрироваться в общеевропейские структуры для преодоления «политической изоляции» времён «холодной войны» и – впоследствии – получения гарантий безопасности от западных партнёров [Blank 1996: VI]³⁰. В марте 1992 г. страна подала заявку в ЕС и в 1995 г. вступила в объединение, чему предшествовал консультативный референдум, на котором 56,9% граждан поддержали инициативу. Финляндия присоединилась к его общей внешней политике и

политике в области безопасности (ОВПБ). И хотя ОВПБ тогда только лишь зарождалась, а сам Евросоюз был преимущественно экономическим объединением, членство в нём впоследствии дало финнам основания позиционировать себя уже не нейтральным, а неприсоединившимся (*non-aligned*) государством³¹.

Примерно в то же время, на фоне новой внешнеполитической ориентации страны и изменившейся международно-политической обстановки в Европе, в Финляндии началась внутренняя дискуссия о необходимости вступления в НАТО. В первой половине 1990-х годов Альянс объявил о политике открытых дверей для всех европейских стран, а в 1994 г. запустил программу «Партнёрство ради мира» (ПРМ), направленную на развитие военного сотрудничества со странами вне блока – преимущественно бывшими социалистическими государствами Восточной Европы. Хельсинки присоединился к программе в том же году, что положило начало его официальному взаимодействию с Организацией. В рамках ПРМ с 1995 г. страна участвовала в «Процессе планирования и анализа» (*Planning and Review Process*), который был направлен на повышение функциональной совместимости систем вооружений участников программы с техникой государств-членов НАТО, и достигла этой цели уже к 2001 году [Heikka 2005: 110].

Тем не менее, как было отмечено ранее, во второй половине 1990-х годов вопрос о членстве не стоял на повестке дня руко-

²⁸ См. Протокол от 6 июня 1983 г. к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901033> (дата обращения: 05.05.2025).

²⁹ Ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений от 20 января 1992 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901000> (дата обращения: 05.05.2025).

³⁰ Вопрос о гарантиях безопасности не стоял на повестке дня руководства Финляндии вплоть до 2010-х годов.

³¹ Эта тенденция особенно проявилась после того, как Финляндия начала участвовать в миротворческих операциях ЕС. Характерным представляется эпизод с парламентских слушаний по докладу финского правительства о политике в области безопасности и обороны в 2001 году. Тогда министр обороны заявил, что «Финляндия больше не нейтральная страна, а член политического союза, но в военном отношении неприсоединившийся». На обвинения двух парламентариев в словесной эквилибристике министр возразил: «Это не эквилибристика, а факт» [Palosaari 2013b: 1].

водства страны. Помимо того что стремление в НАТО считалось прерогативой восточноевропейских государств³², на то было ещё три существенные причины. *Во-первых*, в новых международно-политических условиях Финляндия рассматривала невоенные угрозы, находившиеся тогда вне сферы компетенции Альянса, в качестве основных для национальной и европейской безопасности. *Во-вторых*, расширение блока могло быть негативно воспринято Россией, что привело бы к эскалации в Скандинавско-Балтийском и Европейском регионах [Blank 1996: V; Forsberg 2023: 43]³³. Наконец, значительная часть населения выступала против членства в блоке, и финские политики учитывали эти настроения.

В Докладе правительства по вопросам политики в области безопасности 1995 г. — первом после вступления в ЕС — отрицался «дефицит безопасности» страны и отмечалось, что «Финляндия не будет искать новые решения в области обороны», но пересмотрит свой подход, «если международная обстановка изменится существенным образом»³⁴. Именно тогда в финской политике была сформулирована так называемая «опция НАТО». Финляндия оставляла за собой право пересмотреть политику военного неприсоединения, что создавало определённую гибкость и стало элементом внешнеполитической стратегии страны на десятилетия вперед. Эту опцию можно рассматривать даже как инструмент мягкого сдерживания восточного соседа, который финны использовали вплоть до 2022 года, но такое прочтение появилось лишь в 2010-х годах по мере

углубления кризиса европейской безопасности [Forsberg 2023: 46].

В Докладе 1995 г. прослеживается и ценностный характер европейского выбора финнов: отмечалось, что «членство в ЕС прояснило и укрепило статус Финляндии путём её включения в ключевое объединение европейских демократий»³⁵. При этом, по мнению финских политиков того времени, членство в Евросоюзе, наряду с «европейскими ценностями», неприсоединением и независимой обороной, фактически отражало новую идентичность страны, заменив нейтралитет времён «холодной войны» [Palosaari 2013b: 6]. Таким образом, членство в ЕС представлялось для Финляндии статусным маркером, отражающим принадлежность к сообществу западных демократических государств³⁶.

В 1990-х годах складывается новая восточная политика Финляндии. Среди финских политиков, в том числе президента М. Ахтисаари, было популярно мнение, что демократизация постсоветской России позволит укрепить не только безопасность самой Финляндии, но и всей Европы, что нашло отражение и в Докладе 1995 года. По этой причине финны стремились всячески содействовать реформированию восточного соседа и его включению в общеевропейское политическое пространство, в частности, за счёт сближения с ЕС и развития приграничного, а также экономического и энергетического сотрудничества. Именно Финляндия, будучи председателем Совета ЕС, в 1999 г. инициировала программу «Северное измерение» Европейского союза³⁷. Официально она была

³² Любопытно, что в работах по геополитике до Второй Мировой войны Финляндию относили к западноевропейским государствам, а в годы «холодной войны» — к восточноевропейским [Smith 2018: 90].

³³ То же касалось и гипотетического вопроса о членстве в Западноевропейском союзе (ЗЕС).

³⁴ Turvallisuus muuttuvassa maailmassa. Suomen turvallisuuspolitiikan suuntalinjat. Valtioneuvoston selonteko eduskunnalle // Helsinki: Ulkoasiainministeriö. 06.06.1995. Julkaisu, No. 6. URL: https://www.defmin.fi/files/246/2513_2143_selonteko95_1_.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

³⁵ Security in a changing world: guidelines for Finland's security policy // Report by the Council of State to the Parliament. June 6, 1995. URL: <https://data.nationallibrary.fi/bib/me/W00357483600> (accessed: May 5, 2025).

³⁶ Подробнее о международных институтах как статусных маркерах см. [Истомин et al. 2019].

³⁷ С идеей запуска «Северного измерения» ЕС Финляндия выступила ещё в 1997 году.

нацелена на расширение регионального сотрудничества на севере Европы между Евросоюзом, Россией, Норвегией и Исландией, но многие исследователи рассматривают её ещё и как попытку Финляндии интегрировать Россию в Европу [Haukkala, Ojanen 2010; Etzold, Haukkala 2011: 254; Романов 2020: 192–193].

К более ранним попыткам Хельсинки стабилизировать ситуацию в области европейской безопасности за счёт смещения акцента на её невоенные – в частности, природоохранные – аспекты можно отнести созыв первой многосторонней конференции по вопросам охраны окружающей среды в Арктике в Рованиemi в 1991 году³⁸. Постепенно встречи учёных и дипломатов, в которых участвовали и представители СССР, а впоследствии – России, эволюционировали до постоянных рабочих групп, которые заложили основу для создания Арктического совета в 1996 году.

Несмотря на стабилизацию военно-политической обстановки в Европе в 1990-х годах, Финляндия по-прежнему делала упор на самостоятельную национальную оборону [Heikka 2005; Blank 1996; Pyykönen 2016]. Она включала в себя систему территориальной обороны, которую финны развивали ещё с 1960-х годов, и всеобщую воинскую повинность, которую страна сохранила в отличие от многих европейских государств³⁹. Наряду с политикой стабильности, реализуемой через ОВПБ, и участием в международном кризисном урегулировании, национальная оборона была зафиксирована в Докладе 1995 г. в качестве одного из компонентов политики в области безопасности и стала константой финской

оборонной доктрины на десятилетия вперед. Риск утраты независимой обороноспособности был тогда одним из контраргументов вступления в НАТО [Forsberg 2023: 43]. Политика Финляндии по выстраиванию индивидуальной, субрегиональной и европейской безопасности в конце 1990-х годов рассматривалась в качестве «модельной» для других малых государств, поскольку она сочетала в себе «самооборону, добрососедскую политику по интеграции России в Европу и европейскую интеграцию самой Финляндии» [Blank 1996: VII].

В 2000-х годах процесс европеизации усилился [Heikka 2005; Haukkala, Ojanen 2010; Palosaari 2013a]. Страна продолжила интеграцию в структуры безопасности ЕС, в частности через участие в миротворческих операциях. Так, с 2006 г. финские вооружённые силы начали выделять военнослужащих для боевых групп ЕС⁴⁰. В 2009 г. со вступлением в силу Лиссабонского договора Финляндия автоматически стала участницей общей политики ЕС в области безопасности и обороны (ЕПБО) и на неё стали распространяться положения о взаимной помощи (*mutual assistance clause*) членов ЕС в случае вооружённого нападения⁴¹. В результате измерение безопасности Евросоюза трансформировало финское понимание военного неприсоединения: размытость положений [учредительных договоров ЕС – прим. автора] об обороне и участие в кризисном урегулировании позволили финскому руководству утверждать, что Финляндия – не член военного союза, а лишь неприсоединившаяся страна, участвующая в миротворчестве [Palosaari 2013a; 2013b].

³⁸ Которая вошла в историю как «Финская инициатива», а последующее развитие формата – «процесс Рованиemi».

³⁹ Marchese M. Mandatory military conscription in Europe: addressing past or present threats? // Finabel European Army Interoperability Centre. 08.06.2023. URL: <https://finabel.org/mandatory-military-conscription-in-europe-addressing-past-or-present-threats/> (accessed: May 5, 2025).

⁴⁰ По сути, сил быстрого реагирования.

⁴¹ Которые ещё далеки от классической коллективной обороны. См. ст. 42 п. 7 Договора о Европейском союзе: «Если какое-либо государство-член [Союза] становится жертвой вооружённой агрессии на своей территории, другие государства-члены обязаны оказывать ему помощь и содействие всеми доступными им средствами в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединённых Наций. <...>». URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12016M042> (accessed: May 5, 2025).

Параллельно Хельсинки углублял практическое сотрудничество с НАТО и участвовал в кризисном урегулировании и военных учениях под эгидой Альянса. Например, в 1999 г. страна направила контингент в состав международных сил под руководством НАТО в Косове («Силы для Косово», *Kosovo Force, KFOR*), а в 2002 г. — для Международных сил содействия безопасности в Афганистане (*International Security Assistance Force, ISAF*). В 2008 г. Хельсинки присоединился к силам быстрого реагирования НАТО. В 2002 г. страна также принимала участие в учениях Организации *Strong Resolve*, а в 2006 г. — *Cold Response*.

Тем не менее в этот период в руководстве Финляндии — президенты М. Койвисто и Т. Халонен⁴² — по-прежнему выступали против членства в Альянсе, что совпадало с мнением большинства финнов, а среди ведущих политических сил «за» выступала лишь либерально-консервативная и проевропейская Национальная коалиционная партия [Särkkä 2019]. При этом дискуссии о необходимости вступления постепенно становились неотъемлемой частью внутриполитической повестки дня⁴³. Членство в Североатлантическом альянсе нередко воспринималось как дополнительный статусный маркер принадлежности к «ядру западных демократий», но эта тенденция стала заметной лишь в начале 2000-х годов [Forsberg 2002]⁴⁴. Скепсис в отношении НАТО усилился после активизации её миротворческой деятельности⁴⁵: финны не видели необходимости «сражаться в отдалённых войнах, которые они не выбирали» [Forsberg 2023: 44]. В результате главной задачей финского руководства становится достижение максимального уровня пар-

тнёрства с Организацией без вступления в её структуры.

Кроме того, в конце 2000-х годов в интеграционных процессах стран Северной Европы проявилась оборонная составляющая. Финляндия интенсифицировала сотрудничество с другими северными странами в области обеспечения безопасности, и в 2009 г. присоединилась к Североевропейскому оборонному сотрудничеству (далее — НОРДЕФКО), которое можно отчасти рассматривать как реакцию на события 2008 г. в Грузии.

Отношения с Россией в 2000-е годы развивались интенсивно и в духе добрососедства. Финляндия стремилась не предпринимать шагов в военно-политической сфере, которые могли быть восприняты восточным соседом как угроза безопасности, и обходить потенциально острые углы, передавая решение всех сложных вопросов на уровень ЕС [Haukkala, Ojanen 2011]. На фоне развития сотрудничества с Москвой финны фактически становились «лоббистами» инициатив по углублению взаимодействия с Россией в Евросоюзе⁴⁶. Тем не менее это ещё не означало, что Финляндия вообще перестала ощущать потенциальную военную угрозу со стороны Москвы: в официальных оценках рисков того периода — например, в докладах правительства о политике в области безопасности и обороны 1997 и 2001 годов — сохранялась возможность применения военной силы⁴⁷ [Heikka 2005: 94; Etzold, Haukkala 2011: 255], а во всех докладах того периода отмечалась необходимость поддерживать уровень боеготовности вооружённых сил для отражения внезапного нападения. Пятидневная война 2008 г. практически никак не сказалась на двусторонних отно-

⁴² Которая вообще считала своей миссией не допустить членства страны в НАТО [Lehtilä 2012].

⁴³ На президентских выборах 2006 г. членство страны в НАТО стало одной из ключевых тем.

⁴⁴ Подробнее о символическом капитале членства в НАТО см. [Истомин и др. 2019].

⁴⁵ Под влиянием ЕС и НАТО в Финляндии изменился дискурс относительно миротворчества, которое стали называть «кризисным урегулированием», для чего даже потребовалось изменять финское законодательство. Подробнее см. [Palosaari 2013b].

⁴⁶ Одним из таких примеров можно назвать попытки Финляндии добиться безвизового режима с восточными соседями ЕС, в том числе Россией [Salminen, Moshes 2009].

⁴⁷ Хотя «источник» применения силы деликатно не называется прямо.

шениях Финляндии и России и на общественной поддержке НАТО⁴⁸, поскольку воспринималась как далёкая и не имеющая прямых последствий для страны⁴⁹.

Таким образом, в 1990–2000-х годах Хельсинки адаптировал свою политику в области безопасности к новым международно-политическим условиям. Нейтралитет сменился военным неприсоединением, что позволило Финляндии интегрироваться в европейские институты безопасности, не вступая в военные структуры НАТО. Между тем членство в ЕС воспринималось как идентитарно-ценностный выбор принадлежности к сообществу западных государств, что можно рассматривать как проявление республиканизма в финской стратегической культуре. В то же время страна стремилась достичь максимального уровня партнёрства с НАТО, оставаясь вне блока с целью не провоцировать рост военно-политической напряжённости с Россией. В этот период отношения Финляндии с восточным соседом развиваются в духе добрососедства, и военные угрозы оцениваются как низкие. Тем не менее после «холодной войны» в финскую политику в области безопасности закладываются две константы: упор на мощную независимую национальную оборону и «опция НАТО». В них, на наш взгляд, проявилась реалистская составляющая стратегической культуры Финляндии в рассматриваемый период.

*«Евроатлантизация» финской политики
в области безопасности:
конец 2010-х — 2020-е годы*

В начале 2010-х годов в финской политике преобладал срединный подход к НАТО, который в 2013 г. ёмко сформулировал

президент С. Ниинистё: «Очень хорошо сидеть на заборе. <...> Нас [оттуда — *прим. автора*] не тянут ни в одну сторону, ни в другую» [Forsberg 2023: 45]. В этот период сама «опция» и внешнеполитическая гибкость, которую она создаёт, всё чаще воспринимались финнами как инструмент сдерживания России.

Тем не менее по мере деградации системы европейской безопасности в Финляндии актуализировался вопрос о гарантиях безопасности со стороны западных партнеров. С 2013 г. эта тема регулярно затрагивалась в докладах правительства по вопросам политики в области безопасности и обороны, где отмечалось, что оборонное сотрудничество [с западными странами и институтами — *прим. автора*] укрепляет безопасность страны, но не подразумевает юридических гарантий безопасности⁵⁰.

После 2014 г. Финляндия чётко артикулировала свою западную идентичность⁵¹, а в финской политике в области безопасности начался процесс евроатлантизации, что проявилось в более тесной интеграции с НАТО. В том же году на Уэльском саммите блока была запущена «Инициатива о функциональной совместимости с партнерами» (*Partnership Interoperability Initiative, PII*). В рамках этой программы Финляндия получила статус «партнёра с расширенными возможностями» (*Enhanced Opportunities Partner, EOP*), что подразумевало углубление диалога и практического сотрудничества с Альянсом. В сентябре того же года Финляндия подписала с НАТО меморандум о поддержке принимающей стороны, что упростило проведение учений на финской территории, а также уча-

⁴⁸ Которая выросла лишь незначительно и на некоторое время.

⁴⁹ Hänninen J., Rantanen M. Poliitikot: Kaukasian kriisi ei vaikuta Suomen linjaan // Helsingin Sanomat. 13.08.2008.

⁵⁰ См. например: Finnish Security and Defence Policy 2012 — Government Report. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/79443> (accessed: May 5, 2025); Government's Defence Report 2017. URL: https://www.defmin.fi/files/3688/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf (accessed: May 5, 2025).

⁵¹ Президент С. Ниинистё: «Финляндия — часть Запада и останется ею». См. President of the Republic Sauli Niinistö's New Year's Speech // President of Finland. 01.01.2015. URL: <https://www.presidentti.fi/niinisto/en/speeches/president-of-the-republic-sauli-niinistos-new-years-speech-on-1-january-2015/> (accessed: May 5, 2025).

стие страны в кризисном урегулировании под эгидой блока. Во второй половине 2010-х годов военно-тренировочная активность Альянса возросла, в том числе на северо-восточном фланге, и Финляндия всё чаще принимала в ней участие наравне с государствами-членами — например, в учениях *Trident Juncture* в 2016 году.

При этом украинский кризис в то время публично не воспринимался финнами как угроза безопасности, и конфигурация «членство в ЕС + партнерство с НАТО» считалась достаточной. Премьер-министр Ю. Катайнен отмечал, что важно «не изолировать Россию» [Forsberg 2023: 45]. И хотя после 2014 г. Финляндия начинает постепенно сокращать контакты с восточным соседом и присоединяется к антироссийским ограничительным мерам ЕС, политический диалог на высшем уровне, экономическое, энергетическое, приграничное и культурное сотрудничество сохранялось.

Сближение Хельсинки с НАТО после 2014 г. можно объяснить разочарованием в эффективности системы безопасности Евросоюза, даже несмотря на попытки её консолидации после запуска в 2018 году «Постоянного структурированного сотрудничества» по вопросам безопасности и обороны (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*). Финны — а с ними и шведы — считали гарантии безопасности⁵² со стороны Брюсселя недостаточными в меняющихся военно-политических условиях [Воронов 2018: 88]. Помимо НАТО, в этот период Финляндия интенсифицировала сотрудничество в сфере обороны со Шве-

цией и США: в 2018 г. страны подписали трёхсторонний меморандум об оборонном сотрудничестве с прицелом на совместные военные учения, а спустя два месяца северные страны подписали уже двусторонний меморандум. Годом ранее обе страны присоединились к Объединённому экспедиционному корпусу во главе с Британией⁵³.

В 2010-х — начале 2020-х годов, несмотря на сближение с Альянсом, финны по-прежнему выступали против членства: доля сторонников не превышала 30%⁵⁴, что также служило ориентиром и для руководства страны. Вопрос военного неприсоединения (ранее — нейтралитета) и сохранения «линии Паасикиви-Кекконена»⁵⁵ во внешней политике стал частью финской национальной идентичности и воспринимался так не только обществом, но и многими политиками [Aunesluoma, Rainio-Niemi 2016; Ланко 2021].

В политико-стратегическом отношении сохраняла актуальность «российская дилемма»: политика России всё больше воспринималась Финляндией как потенциальная угроза национальной, региональной и европейской безопасности, но риск эскалации удерживал руководство страны от резких внешнеполитических «манёвров», как и в 1990–2000-х годах. Кроме того, Москва неоднократно предупреждала финское руководство о возможных последствиях вступления страны в НАТО⁵⁶.

Главным катализатором нового витка дискуссии о членстве страны в Североатлантическом альянсе стала российская инициатива по гарантиям безопасности со сторо-

⁵² Не юридического, а политического характера.

⁵³ Объединенный экспедиционный корпус (Joint Expeditionary Force, JEF) — коалиция стран Скандинавско-Балтийского региона и Нидерландов, созданная по инициативе Британии в 2014 году. См. подробнее: About the JEF // The Joint Expeditionary Force. URL: <https://jefnations.org/about-the-jef/> (accessed: May 5, 2025).

⁵⁴ Finns' opinions on foreign and security policy, national defence and security // The Advisory Board for Defence Information. December, 2021. URL: https://www.defmin.fi/files/5275/Finns_opinions_on_foreign_and_security_policy_national_defence_and_security_2021.pdf (accessed: May 5, 2025).

⁵⁵ Под которой фактически понималась интеграция в западное политическое пространство при сохранении добрососедских отношений с Россией.

⁵⁶ См. например: Путин предупредил о последствиях вступления Финляндии в НАТО // Российская газета. 01.07.2016. URL: <https://rg.ru/2016/07/01/putin-predupredil-o-posledstviiah-vstupleniia-finlandii-v-nato.html> (дата обращения: 05.05.2025).

ны США и НАТО в декабре 2021 года⁵⁷. Она предполагала среди прочего отказ Хельсинки на юридическом уровне от вступления блок, что было воспринято финнами как перспектива нового витка финляндизации и вынужденного нейтралитета. В русле логики республиканского реализма, предполагающего также стремление к отсутствию доминирования какой-либо державы в системе региональной безопасности, финское руководство восприняло российскую инициативу как попытку ограничить самостоятельность страны в определении внешней и оборонной политики⁵⁸. Президент С. Ниинистё недвусмысленно подтвердил эту идею в интервью Радио Швеции летом 2023 года: «Мы, финны, упрямы, и, если нас заставляют что-то делать, мы становимся ещё упрямее»⁵⁹.

Эскалация украинского кризиса в феврале 2022 г. стала для Финляндии переломным моментом в дискуссии о членстве

в НАТО. В первую очередь это проявилось в общественных настроениях, а именно в стремительном росте поддержки идеи вступления в Альянс. Уже через четыре дня после начала российской спецоперации доля сторонников впервые преодолела барьер в 50%⁶⁰, а спустя некоторое время обновила рекорд, достигнув почти 80%⁶¹. Очередной виток конфликта на Украине стал серьёзным шоком как для обычных граждан, так и для внешнеполитического сообщества и руководства страны. Свою роль здесь сыграла и историческая память, связанная с советско-финляндской войной (1939–1940), и антироссийская риторика в западных СМИ, а также позиция Швеции⁶². Последняя, хотя и учитывалась финнами [Forsberg 2023: 46], в 2022 г. сыграла скорее второстепенную роль. Инициатором вступления в НАТО выступила именно Финляндия, а Швеция, где наблюдался почти двукратный рост поддержки членства⁶³, ориентировалась на балтийского соседа⁶⁴.

⁵⁷ О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // МИД России. 17.12.2021. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790809/ (дата обращения: 05.05.2025).

⁵⁸ Руководство Финляндии публично отреагировало на инициативу России уже в новогодних обращениях. Премьер-министр С. Марин: «Мы сохраняем возможность вступления в НАТО. Мы показали, что извлекли уроки из прошлого. Мы не позволим лишить нас пространства для манёвра» (Prime Minister Sanna Marin's New Year's message, 31 December 2021 // Finnish Government. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/10616/prime-minister-sanna-marin-s-new-year-s-message-31-december-2021> (accessed: May 5, 2025)). Президент С. Ниинистё: «Наше пространство для манёвра и свобода выбора также включают возможность военных союзов и вступления в НАТО, если мы так решим» (President of the Republic of Finland Sauli Niinistö's New Year's Speech on 1 January 2022. URL: <https://www.presidentti.fi/en/speeches/president-of-the-republic-of-finland-sauli-niinistos-new-years-speech-on-1-january-2022/> (accessed: May 5, 2025)).

⁵⁹ *Niinistö S.* Finlands president om den förändrade omvärlden, Nato och vår gemensamma säkerhet // Sveriges Radio. 20.08.2023. URL: <https://sverigesradio.se/avsnitt/sauli-niinisto-sommarprat-2023> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁰ For first time, Yle poll shows majority support for Finnish Nato application // Yle. 28.02.2022. URL: <https://yle.fi/news/3-12337202> (accessed: May 5, 2025).

⁶¹ Yle poll: Support for Nato membership soars to 76% // Yle. 09.05.2022. URL: <https://yle.fi/a/3-12437506> (accessed: May 5, 2025).

⁶² Подробнее о финских дискуссиях по вопросу вступления в НАТО в тот период см. Липунов Н.С. «Финны не боятся, но постоянно на чеку»: почему в Хельсинки не спешат с решением по НАТО? // Евразийские стратегии. 16.03.2022. URL: <http://eurasian-strategies.ru/wp-content/uploads/pdf/insights/finny-ne-bojatsja-no-postojanno-nacheku-pochemu-v-helsinki-ne-speshat-s-resheniem-po-nato.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶³ Opinion on NATO: Record shift between 2021 and 2022 // University of Gothenburg. 07.03.2024. URL: <https://www.gu.se/en/news/opinion-on-nato-record-shift-between-2021-and-2022> (accessed: May 5, 2025).

⁶⁴ Позднее это подтвердил С. Ниинистё в интервью Радио Швеции. В январе 2022 г. он обратил внимание шведского премьера М. Андерссон на российскую инициативу по гарантиям безопасности, а за несколько дней до начала российской спецоперации предупредил министра обороны

Апогеем гражданской обеспокоенности стали две народные законодательные инициативы о проведении референдума о вступлении в НАТО и о подаче заявки без него, которые собрали необходимое число подписей в рекордные сроки⁶⁵. Пока руководство Финляндии тщательно взвешивало все «за» и «против»⁶⁶, президент С. Ниинистё пытался заручиться гарантиями безопасности со стороны США, которые отказались их предоставить официально, пообещав лишь поддержку финской заявки в НАТО⁶⁷, а премьер-министр С. Марин в совместном со шведской коллегой обращении к председателю Европейского совета Ш. Мишелю поспешила напомнить об обязательствах государств-членов ЕС по взаимной помощи в случае вооружённой агрессии⁶⁸. После нескольких недель обсуждений в мае 2022 г. правительство Финляндии представило доклад, в котором констатировало, что самым надёжным решением в области безопасности для страны будет «комбинация сильной национальной обороны и членства в НАТО»⁶⁹.

Через пару дней Хельсинки и Стокгольм совместно подали заявки в Альянс. Ключевым аргументом в пользу членства в НАТО для Финляндии стал вопрос о юридических гарантиях безопасности, которые предусмотрены статьей 5 Североатлантического договора⁷⁰.

Вступив в НАТО 4 апреля 2023 года, Финляндия начала укреплять военные связи с США и 18 декабря 2023 г. подписала двустороннее соглашение об оборонном сотрудничестве, по которому американские вооружённые силы получили расширенный доступ к 15 военным объектам на финской территории⁷¹. В 2024 г. Финляндия объявила о намерении разместить в стране контингент НАТО в рамках программы передового присутствия и командный центр сухопутных сил Альянса в Северной Европе. Для реализации этих инициатив страна подписала два ключевых документа: Соглашение о статусе сил НАТО и Парижский протокол, открывшие военнослужащим союзников дорогу в Финляндию⁷². Несмотря на расширение и углу-

королевства П. Хульквиста, что в Финляндии всерьёз рассмотрят вопрос о членстве в НАТО в случае начала боевых действий. Подробнее см. *Niinistö S. Finlands president om den förändrade omvärlden, Nato och vår gemensamma säkerhet* // Sveriges Radio. 20.08.2023. URL: <https://sverigesradio.se/avsnitt/sauli-niinisto-sommarpratare-2023> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁵ Finnish Nato referendum goes on parliamentary agenda // Yle. 27.02.2022. URL: <https://yle.fi/a/3-12335563> (accessed: May 5, 2025).

⁶⁶ Липунов Н.С. «Финны не боятся, но постоянно на чеку»: почему в Хельсинки не спешат с решением по НАТО? // Евразийские стратегии. 16.03.2022. URL: <http://eurasian-strategies.ru/wp-content/uploads/pdf/insights/finny-ne-bojatsja-no-postojanno-nacheku-pochemu-v-helsinki-ne-speshat-sresheniem-po-nato.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁷ *Niinistö S. Finlands president om den förändrade omvärlden, Nato och vår gemensamma säkerhet* // Sveriges Radio. 20.08.2023. URL: <https://sverigesradio.se/avsnitt/sauli-niinisto-sommarpratare-2023> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁸ Prime Ministers of Finland and Sweden stress role of EU as security provider // Finnish Government. 08.03.2022. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/10616/prime-ministers-of-finland-and-sweden-stress-role-of-eu-as-security-provider> (accessed: May 5, 2025).

⁶⁹ Report on Finland's Accession to the North Atlantic Treaty Organization // Finnish Government. 15.05.2022. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/164093/Gov_rep_EN.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed: May 5, 2025).

⁷⁰ О коллективной обороне.

⁷¹ Аналогичные соглашения у США теперь есть со всеми пятью странами Северной Европы. Переговоры по соглашению, по сообщению МИД Финляндии, начались в августе 2022 г. ещё до вступления страны в альянс, но после подачи заявки. См. Defence Cooperation Agreement with the United States (DCA) // Ministry for Foreign Affairs of Finland. URL: <https://um.fi/defence-cooperation-agreement-with-the-united-states-dca-> (accessed: May 5, 2025).

⁷² Липунов Н.С. НАТО в гостях у Санты // Российский совет по международным делам. 16.09.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-v-gostyakh-u-santy/> (дата обращения: 05.05.2025).

бление сотрудничества с Организацией, упор на самостоятельную национальную оборону остался константой в финской политике в области безопасности.

Финляндия присоединилась к Альянсу без оговорок и самоограничений в отличие от Норвегии и Дании. Новый президент страны А. Стубб, избранный после вступления в НАТО, сразу обозначил, что финны намерены не просто быть пассивным союзником, а активно участвовать в сдерживании России, в том числе ядерном. Вопрос о потенциальном размещении в Финляндии ядерного оружия стал одним из наиболее острых в ходе президентской кампании 2024 года. Стубб тогда допустил, что даже готов пересмотреть действующее законодательство⁷³ и разрешить транзит ядерных боезарядов через территорию страны, «если того потребуют обстоятельства»⁷⁴.

Отношения с Москвой у Хельсинки после эскалации украинского кризиса резко ухудшились и достигли исторического минимума со времён Второй мировой войны: любая связь с ней стала восприниматься как потенциальная угроза. Прекратился политический диалог на высшем и высоком уровнях, было практически свёрнуто экономическое, гуманитарное и приграничное сотрудничество — даже несмотря на ущерб для самих финнов и экономики страны. Кульминацией

стало полное закрытие Финляндией всей восточной границы в ноябре 2023 г. после того, как с российской стороны резко возрос поток мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки⁷⁵. Руководство страны тогда обвинило российскую сторону в конструировании миграционного кризиса в ответ на вступление Финляндии в НАТО⁷⁶. Годом ранее финское правительство приняло решение о строительстве пограничного заграждения на границе с Россией⁷⁷, а в 2025 г. объявило о выходе из Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин⁷⁸.

Лучшим подтверждением — и буквальной артикуляцией — республиканского реализма по можно считать слова А. Стубба из инаугурационной речи 1 марта 2024 года: «Финская внешняя политика и политика в области безопасности основаны на ценностном реализме. Их отправной точкой служит сильный союз с ЕС и НАТО»⁷⁹. При этом под ценностями финский президент подразумевал «западные ценности демократии, верховенства права и прав человека», а под реализмом — мощную национальную обороноспособность.

* * *

Логика и движущие силы финской политики в области безопасности на протяжении более трех десятилетий после

⁷³ Согласно финскому Закону о ядерной энергии запрещены ввоз, производство, хранение и детонация ядерных боезарядов на территории страны.

⁷⁴ Впоследствии, уже находясь в должности президента, А. Стубб отказался от своей предвыборной инициативы. См. President Alexander Stubb rules out deployment of nuclear weapons in Finland. 01.10.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/president-alexander-stubb-rules-out-deployment-of-nuclear-weapons-in-finland/3348389#> (accessed: May 5, 2025).

⁷⁵ Finland shuts more Russia border points, says asylum inflow must stop // Reuters. November 24, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finland-has-closed-all-passenger-border-crossings-with-russia-one-2023-11-24/> (accessed: May 5, 2025).

⁷⁶ Липунов Н.С. Пограничное состояние // Известия. 30.11.2023. URL: <https://iz.ru/1613097/nikita-lipunov/pogranichnoe-sostoianie> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷⁷ Финляндия решила потратить более \$143 млн на забор на границе с Россией // Forbes. 18.11.2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/481284-finlandia-resila-potratit-bolee-143-mln-na-zabor-na-granice-s-rossiej> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷⁸ Вероятной мотивацией стала возможность минирования границы с Россией. См. Финляндия начала подготовку к выходу из конвенции о запрете противопехотных мин // Интерфакс. 01.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1017689> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷⁹ Inauguration speech by President of the Republic of Finland Alexander Stubb on 1 March 2024. URL: <https://www.presidentti.fi/en/inauguration-speech-by-president-of-the-republic-alexander-stubb-on-1-march-2024/> (accessed: May 5, 2025).

«холодной войны» оставались неизменными. В их основе по-прежнему лежит концепция республиканского реализма, в рамках которой Финляндия стремится не допустить доминирования какой-либо державы в системе безопасности в Скандинавско-Балтийском регионе и в Европе в целом. При этом значительные видимые метаморфозы — от нейтралитета до членства в военном блоке — представляют собой процесс адаптации к меняющейся ситуации в области глобальной и региональной безопасности.

Результаты анализа, представленные в Табл. 1, наглядно иллюстрируют эволюцию подхода Финляндии к безопасности в 1990–2020-х годах. Её определяло соотношение двух стратегических субкультур — отношения с Россией и восприятие её политического курса, а также интеграция в сообщество западных государств. В процессе эволюции финской политики в области безопасности можно условно выделить этапы «европеизации» (1990-е — конец 2010-х годов) — ориентации преимущественно на ЕС и скандинавских соседей — и «евроатлантизации» (конец 2010-х — 2020-е годы) — на США и НАТО.

В евроатлантический период между двумя субкультурами прослеживается корреляция: чем больше Финляндия воспринимала политику России как потенциальную угрозу, тем больше она тяготела к крупным западным державам и их институтам не только в политическом отношении, но и в вопросах безопасности. Переход от «европеизации» к «евроатлантизации» был вызван разочарованием Финляндии в способности ЕС выступать гарантом её безопасности на фоне общей деградации системы европейской безопасности. Кульминацией этого процесса стало вступление

в НАТО через год после эскалации украинского конфликта в 2022 году. Хельсинки воспринимает Альянс как сообщество безопасности, а ЕС — как сообщество ценностей. На протяжении всего рассматриваемого периода страна делала упор на мощную систему национальной обороны.

Анализ финской стратегической культуры может послужить ценным инструментом анализа и прогнозирования внешнеполитического поведения страны. В условиях дальнейшей деградации системы европейской безопасности Финляндия останется одним из наиболее активных членов НАТО, а евроатлантическая ориентация, равно как и упор на сильную систему национальной обороны, останутся константами её политики в области безопасности.

Случай Финляндии показывает определяющее значение стратегической культуры — набора идейно-ценностных установок и практик во внешней и оборонной политике, представляющих результат рефлексии национального исторического опыта — в формировании политики малых государств в области безопасности, несмотря на их ограниченные ресурсы и пространство для манёвра. Применительно к политике малых государств концепт стратегической культуры может использоваться как альтернативная неореализму эпистемологическая рамка.

В качестве возможных направлений для дальнейших исследований можно наметить расширение выборки малых государств для анализа, особенно за счёт незападных, что позволит проверить применимость концепта стратегической культуры к другим малым государствам и выявить условия такой применимости, а также создаст основу для последующих сравнительных исследований.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. №5. С. 130–145.
 Белухин Н.Е., Воротников В.В., Дианина С.Ю. Репутация и статус в стратегической культуре Дании // Балтийский регион. 2023. Т. 15. №3. С. 4–28. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1
 Васина А.В. Трансформация политики нейтралитета Швеции и Финляндии в 1945–1991 гг. // Современная научная мысль. 2022. №3. С. 147–156. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-147-156

- Воронов К.В. Северный нейтраллизм: исторический финал или трансформация? // Современная Европа. 2018. №1. С. 80–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>
- Воротников В.В. Национальный исторический миф как элемент стратегических культур государств Балтии: на примере тематики почтовых марок // История. 2021. Т. 12. №7 (105). DOI: 10.18254/S207987840016559-3
- Данилов Д.А. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623
- Зеленева И.В., Бурухина Е.Н. Эволюция политики безопасности Финляндии и НАТО // Вестник Томского государственного университета. 2018. №434. С. 119–124. DOI: 10.17223/15617793/434/15
- Истомин И.А., Болгова И.В., Соколов А.П., Аватков В.А. «Знак качества» или «чёрная метка»? НАТО как маркер статуса государств // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №2(65). С. 57–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85>
- Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6. №3. С. 84–92.
- Корунова Е.В. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. №3. С. 53–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97
- Ланко Д.А. Финляндизация, нейтралитет или Кеккословакия? Линия Паасикиви–Кекконена в финских дискурсах через 30 лет после холодной войны // Международная аналитика. 2021. Т. 12. №3. С. 139–153. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153>
- Лощкарев И.Д., Кучук А.В. Стратегическая культура Польши: вариации и их отражение в официальном дискурсе // Современная Европа. 2022. №4(111). С. 37–49. DOI 10.31857/S0201708322040039
- Межевич Н.М., Ногаев И.В. Финляндия в НАТО. Генезис современной ситуации и перспективы ее эволюции // Современная Европа. 2024. №7. С. 134–144. DOI: 10.31857/S0201708324070118
- Плевако Н.С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran220222431
- Романов Д.Г. Политика Финляндии в отношении Российской Федерации при президенте М. Ахтисаари (1994–2000): попытка когнитивного анализа // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. №4. С. 171–200. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-171-200>
- Федоров Р.А. Изменение подходов в области вопросов безопасности Финляндии после распада Советского Союза // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. №4. С. 87–94. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-4-87-94
- Худoley К., Ланко Д. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №3. С. 13–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
- Чеков А.Д. Эстонская «прибалтийскость» как социальный конструкт: смыслы и контекстуальная специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15. №1. С. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3
- Agius C. The Social Construction of Swedish Neutrality: Challenges to Swedish Identity and Sovereignty. Manchester: Manchester University Press, 2006. 288 p.
- Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18. No. 4. P. 51–78. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00680
- Belukhin N.E., Vorotnikov V.V., Dianina S.Y. Reputation And Status in Denmark's Strategic Culture. Baltic Region // 2023. Vol. 15. No. 3. P. 4–28. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-1
- Beneš J., Karásek T. Small and impressionable? Strategic cultures of the Czech Republic and Slovakia in evolving international contexts // Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking / ed. by T. Weiss, G. Edwards. London; New York: Routledge, 2021. P. 60–77. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>
- Blank D.S.J. Finnish Security and European Security Policy // Strategic Studies Institute, US Army War College. 1996. 36 p.
- Bloomfield A. Time to Move On: Reconceptualizing the Strategic Culture Debate // Contemporary Security Policy. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 437–461. DOI: 10.1080/13523260.2012.727679
- Bloomfield A., Nossal K.R. Towards an Explicative Understanding of Strategic Culture: The Cases of Australia and Canada // Contemporary Security Policy. 2007. Vol. 28. No. 2. P. 286–307. <https://doi.org/10.1080/13523260701489859>
- De Castro R.C. Philippine Strategic Culture: Continuity in the Face of Changing Regional Dynamics // Contemporary Security Policy. 2014. Vol. 35. No. 2. P. 249–269. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.927673>

- Fomin I.* Strategic culture as a meaning-making system: towards a social semiotic account of multimodal cultural constraints in international relations // *International Theory*. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 351–378. <https://doi.org/10.1017/S175297192300009X>
- Forsberg T.* Four rounds of the Finnish NATO debate // *Nordic Review of International Studies*. 2023. No. 1. P. 41–50.
- Forsberg T.* *Nato-kirja*. Helsinki: Ajatus, 2002. 327 p.
- Glenn J.* Realism versus Strategic Culture: Competition and Collaboration? // *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. No. 3. P. 523–551. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00872.x>
- Grand Strategies in War and Peace / ed. by P. Kennedy. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. 228 p.
- Gray C.* Strategic Culture as Context: the First Generation of Theory Strikes Back // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. No. 1. P. 49–69. doi:10.1017/S0260210599000492
- Haukkala H., Ojanen H.* The Europeanization of Finnish foreign policy: pendulum swings in slow motion // *National and European Foreign Policy: Towards Europeanization* / ed. by C. Hill, R. Wong. London; New York: Routledge, 2011. P. 149–166.
- Heikka H.* Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective // *Cooperation and Conflict*. 2005. Vol. 40. No. 1. P. 91–119. <https://doi.org/10.1177/0010836705049736>
- Howlett D., Glenn J.* Epilogue: Nordic Strategic Culture // *Cooperation and Conflict*. 2005. Vol. 40. No. P. 121–140. <https://doi.org/10.1177/0010836705049737>
- Keohane R.D.* 'Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. P. 291–310.
- Lehtilä H.* Tarja Halonen. Paremmat maailman puolesta. Helsinki: Tammi, 2012. 251 p.
- Long T. Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1093/isr/viw040>
- Murphy S.* Friends with Benefits? NATO and the European Neutral/Non-aligned States // *Small States and the New Security Environment. The World of Small States*. Vol. 7 / ed. by A. M. Brady, B. Thorhallsson. Cham: Springer, 2021. P. 153–171. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51529-4_11
- Neumann I.B., Heikka H.* Grand Strategy, Strategic Culture, Practice: The Social Roots of Nordic Defence // *Cooperation and Conflict*. 2005. Vol. 40. No. 1. P. 5–23. DOI: 10.1177/0010836705049731
- Palosaari T.* Neither neutral nor non-aligned: The Europeanization of Finland's foreign and security policy // *Finnish Foreign Policy Papers*. 2013. No. 3. 32 p.
- Palosaari T.* Still a Physician rather than a Judge? The Post-Cold War Foreign and Security Policy of Finland // *Swiss Political Science Review*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 357–375. <https://doi.org/10.1111/spsr.12041>
- Pyykönen J.* Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation? Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2016. 138 p.
- Rolf J.N.* Strategic culture and small states: From norm breakers to norm takers to norm shapers // *Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking* / ed. by T. Weiss, G. Edwards. London; New York: Routledge, 2021. P. 41–59. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>
- Rothstein R.L.* *Alliances and Small Powers*. New York: Colombia University Press, 1968. 331 p.
- Salminen M., Moshes A.* Practice What You Preach: The Prospects for Visa Freedom in Russia–EU Relations. FIIA Report. No.18. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2009. 61 p.
- Smith H.* EU-medlem och Rysslands granne: En analys av Finlands strategiska kultur // *Nordisk Østforum*. 2018. Vol. 32. P. 87–103. DOI: 10.23865/noros.v32.1252
- Särkkä J.* Nato-retoriikka Suomen turvallisuuspoliittisessa keskustelussa. Helsinki: University of Helsinki, 2019. 298 p.
- Tillotson H.M.* Finland at peace and war: 1918–1993. Wilby, Norwich: Michael Russell, 1996. 354 p.
- Etzold T., Haukkala H.* Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 249–260, DOI: 10.1080/14782804.2011.580913
- Willis J.* Breaking the paradigm(s): A review of the three waves of international relations small state literature // *Pacific Dynamics: Journal of Interdisciplinary Research*. 2021. Vol 5. No. 1. P. 18–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.26021/10639>
- Wood D.P.J.* The Smaller Territories: Some Political Considerations // *Problems of Smaller Territories* / ed. by B. Benedict. London: The Athlone Press–University of London, 1967. P. 23–35.

THE ROLE OF STRATEGIC CULTURE IN SHAPING THE SECURITY POLICY OF SMALL STATES

(THE CASE OF FINLAND IN THE 1990s-2020s)*

NIKITA LIPUNOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the role of strategic culture in shaping security policies of small states, using Finland as a case study. The logic and driving forces behind Finnish foreign and defence policy have remained constant for more than three decades since the end of the Cold War. They are based on the concept of republican realism, within which Finland seeks the state of non-domination of any single power in the security system in the Nordic-Baltic region and in Europe as a whole. The observed metamorphosis – from neutrality to membership in a military alliance – represents a process of adaptation to the changing global and regional security situation and reflects the country's leadership's threat perception. The evolution of Finland's policy has been determined by the relationship between two strategic subcultures: 'relations with Russia' and 'integration into the community of Western states'. We can roughly divide this into two stages: 'Europeanisation' (1990s – late 2010s) and 'Euro-Atlantisation' (late 2010s – 2020s). During the Euro-Atlantic period, a correlation can be observed between the two strategic subcultures: the more Finland perceived Russia's policy as a potential threat, the more it gravitated towards the major Western powers and their institutions, not only in political terms but also in matters of security. The transition from Europeanisation to Euro-Atlanticism was caused by Finland's disappointment in the EU's ability to guarantee its security against the backdrop of the general deterioration of the European security system. Throughout the period under review, the country maintained strong national defence. The case of Finland demonstrates the decisive importance of strategic culture in shaping security policies of small states, despite their limited resources and room for manoeuvre. The concept of strategic culture represents a productive epistemological alternative to the neorealist approach in analysing the behavioural patterns of small states.

Keywords:

small states; strategic culture; security policy; defence policy; foreign policy; Finland; neutrality; military non-alignment; EU; NATO; USA; Russia

References

- Agius C. (2006). *The Social Construction of Swedish Neutrality: Challenges to Swedish Identity and Sovereignty*. Manchester: Manchester University Press. 288 p.
- Alekseeva T. (2012). Strategicheskaya kul'tura: evolyutsiya kontseptsii [Strategic culture: evolution of the concept]. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 130–145.
- Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. (2016). Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War. *Journal of Cold War Studies*. Vol. 18. No. 4. P. 51–78. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00680

* This research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation as part of project No. 20-78-10159, 'The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: Specifics of Its Influence on Security Policy (The Case of the Scandinavian-Baltic Region)'. The author would like to thank two anonymous reviewers and the journal's editorial team for their valuable comments, which helped to improve the quality of the work.

- Belukhin N. E., Vorotnikov V. V., Dianina S. Y. (2023). Reputation And Status in Denmark's Strategic Culture. *Baltic Region*. Vol. 15. No. 3. P. 4–28. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1
- Beneš J., Karásek T. (2021). Small and impressionable? Strategic cultures of the Czech Republic and Slovakia in evolving international contexts. In: T. Weiss, G. Edwards (eds) *Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking*. London; New York: Routledge. P. 60–77. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>
- Blank D.S.J. (1996). *Finnish Security and European Security Policy*. Strategic Studies Institute, US Army War College. 36 p.
- Bloomfield A. (2012). Time to Move On: Reconceptualizing the Strategic Culture Debate. *Contemporary Security Policy*. Vol. 33. No. 3. P. 437–461. DOI: 10.1080/13523260.2012.727679
- Bloomfield A., Nossal K.R. (2007). Towards an Explicative Understanding of Strategic Culture: The Cases of Australia and Canada. *Contemporary Security Policy*. Vol. 28. No. 2. P. 286–307. <https://doi.org/10.1080/13523260701489859>
- Chekov A.D. (2023). Estonskaya «pribaltiyskost» kak sotsial'nyy konstrukt: smysly i kontekstual'naya spetsifika [Estonian 'Balticness' as a Social Construct: Meanings and Contextual Specifics]. *Baltic Region*. Vol. 15. No. 1. P. 34–51. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-3
- Danilov D.A. (2022). Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverey NATO [Finland and Sweden at the NATO doors]. *Sovremennaya Evropa*. No. 2. P. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran20221623
- De Castro R.C. (2014). Philippine Strategic Culture: Continuity in the Face of Changing Regional Dynamics. *Contemporary Security Policy*. Vol. 35. No. 2. P. 249–269. <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.927673>
- Etzold T., Haukka H. (2011). Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 249–260. DOI: 10.1080/14782804.2011.580913
- Fedorov R.A. (2024). Izmenenie podkhodov v oblasti voprosov bezopasnosti Finlyandii posle raspada Sovetskogo Soyuza [Changing approaches to Finnish security issues after the collapse of the Soviet Union]. *History and Modern Perspectives*. Vol. 6. No. 4. P. 87–94. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-4-87-94
- Fomin I. (2023). Strategic culture as a meaning-making system: towards a social semiotic account of multimodal cultural constraints in international relations. *International Theory*. Vol. 15. No. 3. P. 351–378. DOI: 10.1017/S175297192300009X
- Forsberg T. (2002). *Nato-kirja*. Helsinki: Ajatus. 327 p.
- Forsberg T. (2023). Four rounds of the Finnish NATO debate. *Nordic Review of International Studies*. No. 1. P. 41–50.
- Glenn J. (2009). Realism versus Strategic Culture: Competition and Collaboration? *International Studies Review*. Vol. 11. No. 3. P. 523–551. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00872.x>
- Gray C. (1999). Strategic Culture as Context: the First Generation of Theory Strikes Back. *Review of International Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 49–69. doi:10.1017/S0260210599000492
- Haukka H., Ojanen H. (2011). The Europeanization of Finnish foreign policy: pendulum swings in slow motion. In: C. Hill, R. Wong (eds) *National and European Foreign Policy: Towards Europeanization*. London; New York: Routledge. P. 149–166.
- Heikka H. (2005). Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective. *Cooperation and Conflict*. Vol. 40. No. 1. P. 91–119. <https://doi.org/10.1177/0010836705049736>
- Howlett D., Glenn J. (2005). Epilogue: Nordic Strategic Culture. *Cooperation and Conflict*. Vol. 40. No. P. 121–140. <https://doi.org/10.1177/0010836705049737>
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sokolov A.P., Avatkov V.A. (2019). «Znak kachestva» ili «chernaya metka»? NATO kak marker statusa gosudarstv [A «Badge of Honour» or a «Stamp of Infamy»? NATO As A Marker of Status in International Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2(65). P. 57–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-85>
- Kaveshnikov N.Yu. (2008). «Malye i vrednye?» ['Small and Naughty?']. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3. P. 84–92.
- Kennedy P. (Ed.) (1991). *Grand Strategies in War and Peace*. New Haven, CT: Yale University Press. 228 p.
- Keohane R. O. (1969). 'Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*. Vol. 23. No. 2. P. 291–310.
- Khudoley K., Lanko D. (2019). Finskaya dilemma bezopasnosti, NATO i faktor Vostochnoy Evropy [Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 3. P. 13–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
- Korunova E. V. (2024). «Reshenie prinyato»: dolgaya istoriya prisoedineniya Shvetsii i Finlyandii k NATO [The Die is Cast: Sweden and Finland's Long Road to NATO]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 16. No. 3. P. 53–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97
- Lanko D.A. (2021). Finlyandizatsiya, neytralitet ili Kekkoslovakiya? Liniya Paasikivi–Kekkonena v finskikh diskursakh cherez 30 let posle kholodnoy voyny [Finlandization, Neutrality, or Kekkoslovakiya? Paasikivi–

- Kekkonen's Line in Finnish Discourses 30 Years after the End of the Cold War]. *Journal of International Analytics*. Vol. 12. No. 3. P. 139–153. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153>
- Lehtilä H. (2012). Tarja Halonen. *Paremmat maailman puolesta*. Helsinki: Tammi. 251 p.
- Long T. (2017). Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1093/isr/viw040>
- Loshkariov I.D., Kuchuk A.V. (2022). Strategicheskaya kultura Pol'shi: variatsii i ikh otrazhenie v ofitsial'nom diskurse [Poland's Strategic Culture: Variations and Their Reflection in Official Discourse]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4(111). P. 37–49. DOI 10.31857/S0201708322040039
- Mezhevich N.M., Nogaev I.V. (2024). Finlyandiya v NATO. Genezis sovremennoy situatsii i perspektivy ee evolyutsii [Finland in NATO. Genesis of the Current Situation and Prospects for its Evolution]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7. P. 134–144. DOI: 10.31857/S0201708324070118
- Murphy S. (2021). Friends with Benefits? NATO and the European Neutral/Non-aligned States. In: A.M. Brady, B. Thorhallsson (eds) *Small States and the New Security Environment. The World of Small States*. Vol. 7. Cham: Springer. P. 153–171. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51529-4_11
- Neumann I.B., Heikka H. (2005). Grand Strategy, Strategic Culture, Practice: The Social Roots of Nordic Defence. *Cooperation and Conflict*. Vol. 40. No.1. P. 5–23. DOI: 10.1177/0010836705049731
- Palosaari T. (2013). Neither neutral nor non-aligned: The Europeanization of Finland's foreign and security policy. *Finnish Foreign Policy Papers*. No. 3. 32 p.
- Palosaari T. (2013). Still a Physician rather than a Judge? The Post-Cold War Foreign and Security Policy of Finland. *Swiss Political Science Review*. Vol. 19. No. 3. P. 357–375. <https://doi.org/10.1111/spsr.12041>
- Plevako N.S. (2022). Shvedskiy i finskiy neytralitet. V proshlom? [Swedish and Finnish neutrality. In the past?]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. No. 2. P. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran20222431
- Pyykönen J. (2016). *Nordic Partners of NATO: How similar are Finland and Sweden within NATO cooperation?* Helsinki: Finnish Institute of International Affairs. 138 p.
- Rolf J.N. (2021). Strategic culture and small states: From norm breakers to norm takers to norm shapers. In: T. Weiss, G. Edwards (eds) *Small States and Security in Europe: Between National and International Policymaking*. London; New York: Routledge. P. 41–59. <https://doi.org/10.4324/9781003082453>
- Romanov D. G. (2020). Politika Finlyandii v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii pri prezidente M. Akhtisaari (1994–2000): popytka kognitivnogo analiza [Finland's Policy towards the Russian Federation under M. Ahtisaari (1994–2000): A Cognitive Approach]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 12. No. 4. P. 171–200. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-171-200>
- Rothstein R.L. (1968). *Alliances and Small Powers*. New York: Colombia University Press. 331 p.
- Salminen M., Moshes A. (2009). *Practice What You Preach: The Prospects for Visa Freedom in Russia–EU Relations*. FIIA Report. No.18. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs. 61 p.
- Särkkä I. (2019). *Nato-retoriikka Suomen turvallisuuspoliittisessa keskustelussa*. Helsinki: University of Helsinki. 298 p.
- Smith H. (2018). EU-medlem och Rysslands granne: En analys av Finlands strategiska kultur. *Nordisk Östforum*. Vol. 32. P. 87–103. DOI: 10.23865/noros.v32.1252
- Tillotson H.M. (1996). *Finland at peace and war: 1918–1993*. Wilby, Norwich: Michael Russell. 354 p.
- Vasina A.V. (2022). Transformatsiya politiki neytraliteta Shvetsii i Finlyandii v 1945–1991 gg. [Transformation of the Policy of Neutrality in Finland and Sweden in 1945–1991]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 3. P. 147–156. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-147-156.
- Voronov K. V. (2018). Severnyy neytralizm: istoricheskiy final ili transformatsiya? [Nordic neutralism in the XXI century: Historical Finale or a New Transformation?]. *Sovremennaya Evropa*. No. 1. P. 80–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>
- Vorotnikov V.V. (2021). Natsional'nyy istoricheskiy mif kak element strategicheskikh kultur gosudarstv Baltii: na primere tematiki pochtovykh marok [National Historical Myth as an Element of the Baltic States' Strategic Cultures: Examining Postage Stamps]. *Istoriya*. Vol. 12. No. 7(105). DOI: 10.18254/S207987840016559-3
- Willis J. (2021). Breaking the paradigm(s): A review of the three waves of international relations small state literature. *Pacific Dynamics: Journal of Interdisciplinary Research*. Vol 5. No. 1. P. 18–32. DOI : <http://dx.doi.org/10.26021/10639>
- Wood D. P. J. (1967). The Smaller Territories: Some Political Considerations. In: B. Benedict (Ed.) *Problems of Smaller Territories*. London: The Athlone Press–University of London. P. 23–35.
- Zeleneva I. V., Burukhina Ye. N. (2018). Evolyutsiya politiki bezopasnosti Finlyandii i NATO [Evolution of Finland's and Nato's Security Policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. No. 434. P. 119–124. DOI: 10.17223/15617793/434/15